Научная жизнь **Academic Life**

DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-88-98

О круглом столе «Отношения Японии со странами Восточной Азии: проблемы, тенденции, перспективы» в 2020 году

О.И. Казаков

Аннотация. Статья подготовлена по итогам круглого стола на тему «Отношения Японии со странами Восточной Азии: проблемы, тенденции, перспективы», организованного Институтом Дальнего Востока РАН и прошедшего в формате Zoom 18 декабря 2020 г. Участники затронули широкий круг вопросов политики, экономики, энергетики, безопасности и гуманитарного сотрудничества стран Восточной Азии. В круглом столе приняли участие учёные и исследователи из разных научных и образовательных учреждений России.

***Ключевые слова*:** Восточная Азия, Япония, российско-японские отношения, политика, экономика, культура, гуманитарные связи, COVID-19.

***Автор*:** *Казаков Олег Игоревич*, начальник Отдела научного мониторинга, старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-9009-3225; E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Казаков О.И. О круглом столе «Отношения Японии со странами Восточной Азии: проблемы, тенденции, перспективы» в 2020 году // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 1. С. 88–98. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-88-98

On the round table “Japan's relations with the countries of East Asia: problems, trends, prospects” in 2020

O.I. Kazakov

Abstract. The round table on “Japan's Relations with East Asian Countries: Problems, Trends, and Prospects”, organized by the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences was held via Zoom on the 18th of December, 2020. The participants touched upon a wide range of issues of politics, economy, energy, security and humanitarian cooperation of the countries of East Asia. The round table was attended by scientists and researchers from various scientific and educational institutions in Russia.

***Keywords*:** East Asia, Japan, Russian-Japanese relations, politics, economics, culture, humanitarian relations, COVID-19.

***Author*:** *Kazakov Oleg I.*, Head of the Department of Scientific Monitoring, Senior Researcher of the Center for Japanese Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9009-3225; E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

***Conflict of interests*.** The author declares the absence of the conflict of interests.

***For citation*:** Kazakov O.I. (2021). O kruglom stole «Otnosheniya Yaponii so stranami Vostochnoy Azii: problemy, tendentsii, perspektivy» v 2020 godu [Kazakov O.I. On the round table "Japan's relations with the countries of East Asia: problems, trends, prospects" in 2020], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 2021, 1, 88–98. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-88-98

Ежегодный круглый стол «Отношения Японии со странами Восточной Азии: проблемы, тенденции, перспективы» (руководитель – д.и.н. В.О. Кистанов), организованный Центром японских исследований ИДВ РАН, прошёл 18 декабря 2020 г. в Zoom.

Врио директора ИДВ РАН **А.А. Маслов** во вступительном слове отметил востребованность Института и японоведческих исследований в России. По его мнению, 2020 г. стал стресс-тестом для стран Восточной Азии, включая Китай, Японию и две Кореи. Он отметил усиление антияпонской риторики в Китае, связанной, например, с «Нанкинской резнёй». В регионе, по мысли спикера, происходит переконфигурирование политического, экономического и социального пространства. В этих условиях России надо развивать отношения с Японией, продолжать настройку культурного взаимодействия, которая создаёт позитивный фон для сотрудничества.

Д.В. Стрельцов (МГИМО МИД РФ)[1] в докладе «Смена администрации США и её влияние на внешнюю политику Японии» отметил, что приход в Белый дом представителя Демократической партии даёт Японии противоречивые сигналы. В сфере безопасности новая власть, очевидно, привнесёт в двусторонние отношения «чувство нормальности» и позволит Токио «вздохнуть с облегчением», т. к. Дж. Байден делает ставку на укрепление традиционной дипломатии военно-политических союзов, свободной от присущего Д. Трампу деляческого подхода.

Вместе с тем у Японии есть поводы для беспокойства, которые связаны с более мягкой и компромиссной, чем у Б.Обамы, позицией Дж. Байдена по отношению к Китаю. Демократическая партия делает акцент на глобальных проблемах, таких как изменение климата. Вашингтону не удастся решить их без сотрудничества с Пекином, что может побудить администрацию Дж. Байдена заключить сделку с КНР в обход Японии. Кроме того, риск для неё заключается в приоритете для нового американского президента собственной внутренней повестки, связанной с вопросами экономического восстановления после пандемии (подробнее: [Стрельцов]).

Д.А. Филиппов (ИДВ РАН) в выступлении «Последние тенденции отношений Японии и США и их перспективы после смены администраций» сказал, что отношению Японии к уходящей администрации Д. Трампа была присуща двойственность, год до выборов не стал исключением. С одной стороны, непредсказуемость президента и его нежелание поддерживать американоцентричный статус-кво в Восточной Азии вызывали в Токио настороженность. С другой, Япония поддерживала жёсткий курс США по отношению к Китаю, кроме того, Д. Трамп не препятствовал С. Абэ в проведении политики сближения

[1] В статье указывается только основное место работы участника круглого стола.

с Россией. Фундаментальная цель С. Абэ всё так же заключалась в поддержании крепкого союза и дружеских отношений между Японией и США.

В рамках двусторонних связей за последнее время наметилось как сотрудничество, например в области космоса, так и трения. Япония отказалась от покупки американских комплексов ПРО, переговоры относительно которых велись с 2017 г. Отмену сделки можно трактовать как реакцию на требования Д. Трампа к Японии брать на себя бóльшие расходы на поддержание союза.

Что касается политики США в отношении КНДР, то, хотя Япония поначалу позитивно восприняла воинственную риторику Д. Трампа, непредсказуемость президента и резкие изменения в его отношениях с Ким Чен Ыном – от взаимных угроз к восхвалениям – вызывали в Японии недовольство. Подход С. Абэ заключался в том, чтобы убедить США придерживаться политики максимального давления на КНДР. В то же время бескомпромиссный подход администрации Д. Трампа к Китаю, вплоть до развязывания торговой войны и ряда антикитайских мер в 2020 г., в целом устраивал Токио и давал импульс для медленного сближения Японии и КНР.

По мнению выступающего, смена администраций в Японии и США, вероятнее всего, не приведёт к кардинальным изменениям в конфигурации двустороннего союза, в том числе из-за того, что обе страны в ближайшие месяцы будут сосредоточены на борьбе с пандемией коронавируса, в то время как внешняя политика отойдёт на второй план. Кроме того, премьер-министр Японии Ё. Суга, скорее всего, будет придерживаться тех же внешнеполитических приоритетов, что и С. Абэ. Что касается администрации Дж. Байдена, то её внешняя политика более предсказуема и будет проводиться в рамках международных норм и институтов, сосредоточится на восстановлении и укреплении союзов США, что означает активизацию связей с Японией в сфере безопасности.

Ю.А. Крячкина (Российский институт стратегических исследований) выступила с докладом на тему «Политика Токио в отношении стран Юго-Восточной Азии на фоне пандемии и продвижения концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР)». В октябре 2020 г. новый премьер-министр Японии Ё. Суга совершил первый официальный зарубежный визит в страны Юго-Восточной Азии – Вьетнам и Индонезию. Так он повторил путь своего предшественника, бывшего премьер-министра С. Абэ, который после возвращения во власть в 2012 г. также первым делом направился с официальным визитом в эти государства.

Пребывая во Вьетнаме, премьер-министр Ё. Суга неоднократно подчёркивал, что эта страна играет важнейшую роль в реализации японской концепции ИТР. Другим государством для её воплощения в жизнь является Индонезия. Вьетнам стал одним из основных направлений программы вывода японских производств из Китая, объявленной Токио весной 2020 г. Именно здесь японское руководство намерено продемонстрировать вклад в борьбу с пандемией COVID-19 и её последствиями для экономики региона.

Выбор страны для первого официального зарубежного визита Ё. Суга отразил как преемственность японского внешнеполитического курса, так и общий рост международной нестабильности на фоне обострения американо-китайского противостояния. Это продемонстрировали и основные темы двусторонних переговоров в ходе визита, которыми стали диверсификация производственных цепочек, углубление военно-политического сотрудничества и взаимодействие Японии и государств Юго-Восточной Азии в рамках концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона».

Г.М. Локшин (ИДВ РАН) в докладе «Стратегическое партнёрство Японии и Вьетнама» отметил, что эти страны – два различных мира, разительно отличающихся друг от друга почти во всём. Тем не менее стратегические интересы прочно скрепляют их сотрудничество. Для Вьетнама в данный момент именно Япония остаётся наиболее надёжным партнёром перед лицом экспансии Китая в Южно-Китайском море (ЮКМ). Интересы Токио в регионе вытекают, прежде всего, из его зависимости от пролегающих там морских коммуникаций и предпочтительности для регионального порядка гегемонии США. Япония разделяет и с США, и с Вьетнамом заинтересованность в поддержании мира и стабильности в регионе на основе международного права и особенно конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Она стала второй после России страной, с которой Вьетнам квалифицировал свои отношения как стратегическое партнёрство. Такой формат требует постоянного диалога, периодической координации действий и сотрудничества. Для этого выстроена многоуровневая система активных политических и деловых контактов. Каждый визит на высшем уровне сопровождается заключением многочисленных соглашений. Это продолжилось и при новом премьер-министре Японии Ё. Суга, который, как и его предшественник С. Абэ, нанёс первый зарубежный визит не ключевому союзнику – США, а посетил две главные страны АСЕАН – СРВ и Индонезию.

Сотрудничество Японии и Вьетнама осуществляется в самых разных областях политики, безопасности, обороны, экономики и торговли, в инвестициях, туризме, в трудовой сфере. Позиции сторон по большинству международных проблем близки или даже совпадают. Вьетнам разделяет с Японией мнение об островах в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Япония сейчас – не только расширенный стратегический партнёр Вьетнама, но и страна, к которой имеется самое высокое политическое доверие. Токио уже много лет остаётся главным источником помощи для развития по программам ODA, важным инвестором, поставщиком туристов и т. д. В Японии работает около 400 тыс. вьетнамцев. С 2017 г. она остаётся главным прямым иностранным инвестором для Вьетнама (25 % от всех ПИИ в 2017 г.), опережая Южную Корею и Китай. Япония – в тройке главных торговых партнёров СРВ, после Китая и США. Она стала первой страной G7, которая признала экономику Вьетнама рыночной. Со своими природными богатствами, обильной, молодой и относительно дешёвой рабочей силой в сочетании с японскими технологиями и капиталом, Вьетнам способен реализовать этот значительный потенциал, что позволит обеим сторонам извлечь большую выгоду из сотрудничества. Мощный импульс партнёрству дал визит премьер-министра СРВ Нгуен Суан Фука в Японию в ноябре 2019 г., в ходе которого было подписано 32 документа, в том числе соглашения по инвестициям на сумму более 8 млрд долл.

Именно С. Абэ и его влиятельные соратники, включая нынешнего премьера Ё. Суга, стали авторами концепции «Видение свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», которая уже превратилась в важную часть не только региональной, но и глобальной повестки дня. Япония выступает за более мягкий вариант реализации идеи ИТР, предпочитая инфраструктурное обустройство региона и свободу судоходства жёстким действиям по сдерживанию Пекина в традициях холодной войны. Японская стратегия «Свободного и открытого ИТР» открыта для всех, включая Китай.

Состоявшийся 19–10 октября 2020 г. визит премьер-министра Японии Ё. Суга во Вьетнам стал явным подтверждением его намерений продолжать сотрудничество. Страны подписали ряд соответствующих договорённостей на общую сумму в 4 млрд долл. Из них главное – соглашение о поставках во Вьетнам японской военной техники.

СРВ играет важную стратегическую роль в ЮВА по сдерживанию экспансионистских амбиций Китая, это признаётся и поощряется Японией, которая продолжает оказывать ему существенную экономическую помощь, к которой добавилась политическая, дипломатическая и военно-стратегическая поддержка. Пока ничто не предвещает изменений в этой сфере.

Таким образом, политические отношения между Японией и Вьетнамом переживают расцвет за всю их историю. Они гораздо более развиты и содержательны, чем так называемое «всеобъемлющее стратегическое партнёрство» Токио с Россией. Тут есть над чем задуматься тем, кому положено отвечать за национальные интересы страны.

В.О. Кистанов (ИДВ РАН) в докладе «Отношения Японии и Южной Кореи: проблемы и тенденции» отметил, что эти страны – не только ближайшие соседи, но и важные друг для друга экономические и военно-политические партнёры. Градус взаимодействия между ними во многом определяет политический и экономический климат в Восточной Азии. С момента образования двух корейских государств в начале 1950-х гг. их отношения прошли тернистый путь под воздействием комплекса центростремительных и центробежных сил. На них сильно повлияло колониальное правление Японии на Корейском полуострове с 1910 по 1945 г. Проблемы, связанные с этой драматической страницей истории, микшировались Сеулом и Токио в период холодной войны, когда страны были азиатским оплотом США в противостоянии Советскому Союзу и коммунистическому Китаю.

После её окончания антикоммунистические скрепы ослабли, постепенно японо-южнокорейские отношения охладевали, дойдя до сегодняшней «ледяной» точки. В основе нынешнего обострения лежит ряд конфликтов, порождённых колониальной эпохой.

Спор по поводу территориальной принадлежности двух крошечных островков в Японском море, называемых в Японии Такэсима, а в Южной Корее – Токто, судя по всему, остаётся самой острой проблемой. Ещё один краеугольный камень противоречий – болезненная для корейцев тема «женщин для утешения и успокоения», многие из которых ещё живы. Нерешённым остаётся и вопрос названия разделяющего страны водного пространства. Сеул требует переименовать «Японское море» в «Восточное». Токио считает это притязание безосновательным.

Самый острый на сегодня вопрос колониального прошлого касается принудительной мобилизации корейцев для тяжёлых физических работ на японских предприятиях. Фактически он привёл к торговой войне между государствами. Перспективы урегулирования спора о трудовых компенсациях и прекращении торговой войны пока неясные, но они сильно отравляют двусторонние отношения.

С распадом Советского Союза и окончанием холодной войны идейное обоснование военно-политического треугольника Япония – США – Южная Корея сместилось с «советской угрозы» на тревожные вызовы со стороны растущего Китая и ракетно-ядерную опасность Северной Кореи. Но это не предотвратило нарастание центробежных сил внутри указанного треугольника. При этом линия Токио – Сеул оказалась его наиболее слабой стороной. Перед администрацией президента США Дж. Байдена стоит сложная задача примирить этих своих важнейших союзников в Азии (подробнее: [Кистанов, 2019; Кистанов, 2020]).

Д.В. Гордиенко (ИДВ РАН) выступил с докладом на тему «Реализация Индо-Тихоокеанской стратегии: сравнительная оценка защищённости национальной экономики Японии». Он отметил, что экономическая безопасность государства обеспечивается в форме экономического патроната, экономической кооперации и экономического противоборства с другими странами мира. В выступлении рассматривалось текущее состояние, а также перспективы экономической безопасности Японии и государств Азиатско-Тихоокеанского региона – участников Индо-Тихоокеанского партнёрства (ИТП).

По мнению докладчика, предложенный им подход к сравнительной оценке изменения уровня экономической безопасности Японии и государств-участников ИТП позволяет выявить приоритеты экономической кооперации и противоборства в современных условиях. Договорённости в рамках ИТП должны установить новые регламенты и стандарты мировой торговли, увеличив тем самым защищённость национальных экономик Японии и других участников ИТП, резюмировал эксперт.

Я.В. Мищенко (МГУ им. М.В. Ломоносова) выступила с докладом на тему «Сотрудничество Японии и стран Юго-Восточной Азии в региональных интеграционных проектах: итоги к 2020 г.». Указанные государства, по мысли спикера, развивают разнообразные многосторонние форматы сотрудничества. В последние годы они обозначили своё участие в двух крупных международных проектах: Транстихоокеанском партнёрстве (ТТП) и Всеобъемлющем региональном экономическом партнёрстве (ВРЭП).

В ТТП участвует 11 стран, среди них Япония, Малайзия, Бруней, Сингапур, Вьетнам. ВРЭП объединяет Японию и 10 стран АСЕАН. Цель соглашений – либерализация торговых и инвестиционных потоков в регионе и формирование масштабных зон преференциальной и свободной торговли, т. е. региональная интеграция.

С момента подписания 8 марта 2018 г. соглашения о ТТП прошло всего три года, но надо учесть, что до этого стороны долго вели переговоры, оценивали возможности адаптации своих экономик к членству и пытались просчитать риски и выгоды от более тесного сотрудничества.

Целесообразно подводить первые итоги интеграционного сближения Японии и стран ЮВА в рамках ТТП. Статистические данные показывают неоднозначный эффект: увеличились объёмы торговли Японии с Китаем (КНР не состоит в ТТП, но входит в ВРЭП) и с США (вышли из проекта, но в сентябре 2019 г. подписали с Японией торговое соглашение). Вырос импорт из Перу, Австралии, Брунея в Японию. А вот экспорт из неё в те же Австралию, Бруней, а также в Сингапур сократился. Можно допустить, что в 2019 г. изменилась рыночная конъюнктура, которая способствовала сокращению ряда показателей торговли Японии со странами-партнёрами по ТТП, однако новое соглашение не смогло нивелировать отрицательную динамику. Возможно, ожидания от его эффекта оказались несколько завышенными. Основываясь на анализе первых статистических данных, можно сделать вывод, что официальное формирование ТТП в краткосрочном периоде не привело к резкому увеличению торгового оборота между Японией и странами-участницами проекта, в ряде случаев этот показатель даже снизился, а совместное членство в проекте не смогло это предотвратить.

Соглашение о ВРЭП подписано 15 ноября 2020 г., поэтому оценить прямые эффекты от него пока затруднительно. Формирование партнёрства началось в 2012 г. по инициативе стран АСЕАН. Переговоры шли непросто. В 2019 г. Индия вышла из проекта, чем была

несколько разочарована Япония. Тем не менее участники стали рассчитывать на ускоренное заключение соглашения. Его подписание было запланировано на конец 2020 г. Однако в апреле 2020 г. источник в японском правительстве сообщил, что из-за глобальной пандемии Токио вынужден затормозить переговорный процесс. Тем не менее даже в таких неблагоприятных условиях страны смогли консолидировать усилия и выйти на подписание договорённости в запланированные сроки (подробнее: [Мищенко]).

Тему ВРЭП продолжил **А.Н. Алмаметов** (Казанский федеральный университет) докладом «Перспективы развития экономических отношений Японии с РК и КНР после подписания ВРЭП». Он отметил, что подписание странами АТР в формате АСЕАН + 6 Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства эксперты склонны считать историческим для Азиатско-Тихоокеанского региона и международных отношений в целом. Данное соглашение знаменует создание самой большой в истории зоны свободной торговли: совокупный ВВП её государств-участников равняется 28 трлн долл., что составляет треть мирового ВВП. ВРЭП кардинально меняет правила игры в региональной экономике. Это особенно значимо для Японии, позиционирующей себя торговой державой. Во-первых, вследствие особенностей её «пацифистской» конституции она не может проводить полноценную оборонную политику в регионе. Во-вторых, в сфере торговли официальный Токио долгие годы выстраивал сложную систему, состоящую в основном из локальных двусторонних соглашений, что в одночасье стало неактуальным. В-третьих, в архитектуру названного партнёрства не «встроены» США – стратегический союзник Японии на протяжении всего послевоенного этапа. Центральными фигурами здесь выступают азиатские страны, с некоторыми из которых у Японии довольно непростые отношения.

Это говорит о необходимости обновления политического и внешнеэкономического курса для Токио. В частности, это касается отношений с соседями – Китаем и Южной Кореей. Исторически контакты Японии с этими государствами складывались довольно сложно, сейчас ситуация не изменилась. Можно вспомнить и вопросы исторической памяти, в частности Второй мировой войны, и территориальные споры, и конкуренцию в наукоёмких отраслях промышленности. В свете последнего пункта ВРЭП ставит Японию в крайне уязвимое положение перед лицом оппонентов с гибкой, как у Южной Кореи, или с несоразмерно мощной, как у Китая, хозяйственной системой.

О.И. Казаков (ИДВ РАН) выступил с докладом на тему «Об особенностях развития российско-японских отношений в 2020 году». По его мнению, глобальные процессы 2020 г., включая эпидемию коронавируса, очень сильно повлияли на многие области деятельности народов и стран, включая официальную и народную дипломатии, уровень и качество взаимодействия – от политики и экономики до гуманитарной сферы. COVID-19 изменил мир, пандемия в том числе ударила по Японии и российско-японским отношениям.

Премьер-министр С. Абэ покинул свой пост по состоянию здоровья, ему на смену 16 сентября пришёл Ё. Суга. Формально он проводит политику С. Абэ в отношении России, однако многие эксперты опасаются, что отношения между странами перестанут развиваться. Так, в ходе телефонных переговоров с В.В. Путиным новый японский лидер предложил урегулировать двусторонний территориальный вопрос, однако по существу ничего нового не предложил. При этом Ё. Суга демонстрирует значимость японо-американского военно-политического альянса в контексте угроз со стороны КНДР и Китая.

Ещё во время визита президента В.В. Путина в Японию в июне 2019 г. японская и российская стороны решили провести с 2020 по 2021 г. «Год российско-японских межрегиональных и побратимских обменов» и подписали соответствующий меморандум. Планировалось официальное открытие Года в Японии, но оно не состоялось.

В настоящее время многочисленные мероприятия, ранее запланированные в данном формате, проводятся в ограниченном виде, с учётом опасности коронавирусного заражения. Новые, прежде всего дистанционные, формы культурных и иных мероприятий в дальнейшем могут стать обычной практикой, что требует пересмотра многих аспектов двухсторонних контактов. Тема побратимских обменов, как представляется, может вообще потерять актуальность в свете ограничений офлайн-контактов.

Вероятно, первая встреча В.В. Путина и Ё. Суга, ранее запланированная на первый квартал 2021 г., более точно покажет, насколько серьёзны изменения в позициях двух сторон по разным сферам двустороннего сотрудничества (подробнее: [Горчакова, Казаков]).

А.К. Корнеев (ИДВ РАН) выступил с докладом «Институты российско-японского экономического сотрудничества». По его мнению, российско-японские экономические отношения в текущий момент можно охарактеризовать как достаточно стабильные, обладающие сформированной структурой и чётким распределением ролей. После распада Советского Союза стороны стали больше внимания уделять взаимодействию на различных уровнях, изменилась и риторика официальных лиц: увеличивалось число заявлений об общей заинтересованности в сотрудничестве, развитии не только экономических, но и культурных связей. Эта предрасположенность к диалогу способствовала постепенному увеличению торгового оборота, который достиг пика в 2008 г., составив около 30 млрд долл. США. Тогда же утвердилась и определённая экспортно-импортная система, согласно которой из России в Японию ввозились различные природные ресурсы (лес, металлы и пр.), а в обратном направлении следовала промышленная продукция, материалы, оборудование, автомобили.

Постепенно, с введением в эксплуатацию проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2», основной российской экспортной отраслью стал нефтегазовый сектор, в то время как со стороны Японии мало что изменилось. Исследования на тему характера российско-японского внешнеторгового сотрудничества достаточно распространены как в российской, так и зарубежной печати. Более того, существуют и оценки потенциала совместных инфраструктурных проектов, требующих значительных инвестиционных и технологических усилий, например, сооружение энергомоста «Сахалин – Хоккайдо» или строительство тоннеля (другой вариант – мостового перехода), который стал бы связующей транспортной артерией между Сахалином и северным японским островом Хоккайдо. Тем не менее практических шагов по реализации подобных инициатив пока не предпринимается.

Несмотря на то, что различные идеи по углублению сотрудничества периодически появляются, получают хорошие оценки со стороны инженеров и экономистов и даже находят одобрение среди чиновников различного ранга, их воплощению препятствует неразвитость институтов сотрудничества, взаимное недоверие, вызванное условной принадлежностью стран к разным геополитическим лагерям, и наличие территориальных претензий со стороны Японии. Вот почему оценка институтов российско-японского экономического сотрудничества позволит взглянуть на ситуацию под иным углом, обнаружить скрытые течения и закономерности, на основе чего можно будет сделать вывод о проблемах и перспективах торгово-экономических отношений двух крупных региональных держав. Несомненно,

расширение российско-японских экономических отношений будет выгодно обеим сторонам (подробнее: [Корнеев, Попов, 2019; Корнеев, 2020; Korneev, Pechishcheva]).

Ким Ен Ун (ИДВ РАН) выступил с докладом «Новая редакция Конституции России и проблема оценки итогов Второй мировой войны Японией». По его мнению, запрет не только на отчуждение части территории, за исключением отдельных изменений конфигурации границ в соглашениях об их демаркации, делимитации и редемаркации, но и на призывы и переговоры об этом, которые в России законодательно охарактеризованы как экстремизм, делают бессмысленными всякие попытки территориальных притязаний Японии к России. Кроме того, нельзя исключить, что подобные новеллы в своих законодательных актах могут принять и другие страны, к которым Япония также предъявляет территориальные претензии. Это напрямую связано с оценкой Токио итогов Второй мировой войны и попытками ревизовать послевоенные реалии и решения Союзных держав, а также Устава ООН, членом которой страна смогла стать в 1956 г. исключительно благодаря доброй воле СССР.

Речь, по мнению докладчика, идёт не только о территориальных претензиях Японии к своим соседям, но и её попытках пересмотреть оценки своих действий во время Второй мировой войны. Это выражается в требованиях к России подписать мирный договор, стремлении изменить 9 статью Конституции своей страны, законодательно закрепить право на военные действия за пределами собственного государства, т. е. речь идёт о стремлении Японии взять реванш за участие во Второй мировой войне как одного из её зачинщиков.

Как известно, Япония после поражения подписала Акт о полной и безоговорочной капитуляции. С такой страной мирного договора не заключают. Тем более, когда это касается государств – зачинщиков невиданных по масштабам разрушений и действий, приведших к гибели огромного числа людей. Именно поэтому ни одна страна не подписывала мирный договор с Германией. К руководству последней и основным исполнителям античеловечных преступлений, как и в отношении Японии, была применена процедура осуждения через международный военный трибунал. Любые попытки мирного договора с Токио, по мнению эксперта, необходимо отвергать как нарушающие итоги Второй мировой войны и тот миропорядок, который был установлен после неё, а также решения международных военных трибуналов, в частности Токийского. Все они осудили преступников и злодеяния против человечности. Претензии Японии по поводу мирного договора с Россией также нарушают нормы Устава ООН, который она сама подписала при вступлении в организацию. Единственное, что может быть ратифицировано, это стандартный межгосударственный договор о мире и сотрудничестве (подробнее: [Ким, 2019; Ким, 2020]).

А.Е. Шаповалов (МГУ им. М.В. Ломоносова) осветил тему «Значение технологического фактора в сфере реализации современной концепции “мягкой силы” Японии в рамках начала новой космической гонки». Во время глобальной нестабильности Япония сталкивается с вызовами как внутриполитического, так и внешнеполитического характера. В условиях роста глобальной неопределённости возможность контролировать геополитические процессы даёт ведущим игрокам преференции. Как одна из передовых стран, сталкивающаяся сегодня с многочисленными политическими вызовами в Азии, Япония внимательно изучает специфику современной геополитической конкуренции. Сохраняющаяся взаимозависимость и новые потенциальные угрозы актуализуют различные инструменты «мягкой силы». Стремительное технологическое развитие разных стран подчёркивает конкретные изменения в прежнем контуре международной политики, что затрагивает их амбиции не только

в рамках планетарного, но и космического пространства. Это в свою очередь выступает дополнительной причиной растущего противостояния. Соответственно, основная цель применения ранее указанного подхода заключается в формировании благоприятного образа государства на международной арене для нивелирования возможных барьеров и налаживания более прагматичного диалога с другими членами мирового сообщества. Использование в данном случае технологического фактора лишь расширяет инструментарий Японии в продвижении собственной концепции «мягкой силы», которая подразумевает более широкие возможности в области создания и внедрения определенной модели восприятия современного статуса Токио, заключил докладчик.

После запланированных выступлений состоялось обсуждение затронутых тем в формате свободного обмена мнениями. В дискуссии, в частности, затрагивались вопросы перспектив Всеобъемлющего регионального экономического партнёрства и российско-японских отношений на современном этапе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Горчакова Т.Е., Казаков О.И. Об изменении ситуации в Японии и российско-японских отношениях в 2020 году // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 50–62. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10024

Ким Е.У. Изменения геополитической обстановки после Второй мировой войны. Обретение независимости Кореи от Японии // Сб. материалов. Конференция, посвящённая 75-летию Победы и окончания Второй мировой войны. М.: Московский дом национальностей, 2020. С. 20−38.

Ким Е.У. Общенациональный характер Первомартовского движения и его влияние на историю Кореи // Корейский полуостров в поисках мира и процветания. В двух томах. Т. 2. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 9−21.

Кистанов В.О. Отношения между Японией и Южной Кореей: проблемы, тенденции, перспективы // Японские исследования. 2019. № 3. С. 33−48. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10019

Кистанов В.О. Япония и Южная Корея: союзники, партнеры, противники? Анатомия отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 2. С. 37−56. DOI: 10.31857/S013128120009599-9

Корнеев К.А. Политика Японии в области развития водородной энергетики // Японские исследования. 2020. № 4. С. 68−81. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10028

Корнеев К.А., Попов С.П. Проблемы формирования энергетической политики Японии // Энергетическая политика. 2019. № 2. С. 44−53.

Мищенко Я.В. Япония в региональной интеграции: вызовы, задачи и перспективы // Ежегодник Япония. 2020. Т. 49. С. 157−174. DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10006

Стрельцов Д.В. Куда пойдёт политика Японии в сфере безопасности после смены администраций в Токио и Вашингтоне? // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 34–49. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10023

REFERENCES

Gorchakova T.E., Kazakov O.I. (2020). Ob izmenenii situatsii v Yaponii i rossiysko-yaponskikh otnosheniyakh v 2020 godu [On the changes of the situation in Japan and Russian-Japanese relations in 2020], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 2020, 4: 50–62. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10024.

Kim En Un (2019). Obshchenatsional'nyy kharakter Pervomartovskogo dvizheniya i ego vliyaniye na istoriyu Korei [Nationwide Scale of the March First Movement and Its Influence on the Korean History], *The Korean peninsula in search for peace and prosperity*. Vol. 2. Moscow: IFES RAS: 9−21. (In Russian).

Kim En Un (2020). Izmeneniya geopoliticheskoy obstanovki posle Vtoroy mirovoy voyny. Obreteniye nezavisimosti Korei ot Yaponii [The changes in the geopolitical situation after the Second World War. Korea's independence from Japan], *Sbornik materialov. Konferentsiya, posvyashchennaya 75-letiyu Pobedy i okonchaniya Vtoroy mirovoy voyny* [The collection of materials. The conference dedicated to the 75th anniversary of the Victory and the end of the Second World War], Moscow: Moskovskiy dom natsional'nostey: 20−38. (In Russian).

Kistanov V.O. (2019). Otnosheniya mezhdu Yaponiyey i Yuzhnoy Koreyey: problemy, tendentsii, perspektivy [Relations between Japan and South Korea: problems, trends, perspectives], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 3: 33–48. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10019

Kistanov V.O. (2020). Yaponiya i Yuzhnaya Koreya: soyuzniki, partnery, protivniki? Anatomiya otnosheniy [Japan and South Korea: Allies, Partners, Opponents? Anatomy of the relationship], *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2: 37−56. (In Russian). DOI: 10.31857/S013128120009599-9

Korneev K., Popov S. (2019). Problemy formirovaniya energeticheskoy politiki Yaponii [Problems of Japan's energy policy formation], *Energeticheskaya politika*, 2: 44−53. (In Russian).

Korneev K.A. (2020). Politika Yaponii v oblasti razvitiya vodorodnoy energetiki [Japan's policy in the field of hydrogen energetics development], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 4: 64–77. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10028

Mishchenko Ya.V. (2020). Yaponiya v regional'noy integratsii: vyzovy, zadachi i perspektivy [Japan in Regional Integration: Problems, Challenges, and Prospects], *Ezhegodnik Yaponiya* [*Yearbook Japan*], vol. 49: 157–174. (In Russian). DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10006

Streltsov D.V. (2020). Kuda pojdyot politika Yaponii v sfere bezopasnosti posle smeny administracij v Tokio i Vashingtone? [Where will Japan's security policy go after the change of administrations in Tokyo and Washington?], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 4: 34–49. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10023

* * *

Korneev K.A., Pechishcheva L.A. (2020). Japan's Energy Policy toward SCO Members: Current Situation and the Perspective. «*ENERGY-21: Sustainable Development & Smart Management*» *Conference Proceedings*, E3S Web Conf., volume 209. DOI: 10.1051/e3sconf/202020905006

Поступила в редакцию 28.02.2021 Received 28 February 2021